

Отчужденный труд и его постиндустриальная участь

УДК 304.444

Александр ДЕМИДОВ,
кандидат философских
наук

Александр ДЕМИДОВ. Отчужденный труд и его постиндустриальная участь. Отчуждение труда, описанное и проанализированное К. Марксом, по-прежнему порождает отчуждение людей друг от друга и от самих себя. В отличие от известного экономиста XIX века, автор статьи считает, что это отчуждение обусловлено не разделением труда или частной собственностью, а наличием товарного производства. В публикации также показаны возможности исчезновения товарного производства и связанного с ним отчуждения труда вследствие новейших научно-технических трансформаций производственной сферы.

Ключевые слова: отчуждение труда, общество товаропроизводителей, товарная форма производства, научно-технический прогресс, постиндустриальное общество, информационно-коммуникационная революция, нанотехнологии, информация, знание.

Alexander DEMIDOV. Alienated labor and its post-industrial fate. The alienation of labor, described and analyzed by Karl Marx, still results in the alienation of people from each other and from themselves. Unlike the well-known economist of the 19th century, the author of the article believes that this alienation is not due to the division of labor or private property, but because of commodity production. The publication also discusses a possibility of disappearance of commodity production and the associated alienation of labor due to the latest scientific and technical transformations in the manufacturing sector.

Keywords: labor alienation, consumer society, commodity production, scientific and technical progress, post-industrial society, information and communication revolution, nanotechnologies, information, knowledge.

Современное общество основывается на товарной форме производства. Товар – продукт труда, создаваемый не для удовлетворения собственных потребностей, а для продажи. Это значит, люди производят то, что им для себя не нужно, то есть занимаются отчужденным трудом. Может ли отчужденный труд стать ненужным? Возможно, развитие постиндустриального общества

даст положительный ответ на этот вопрос.

Отчужденным трудом называют продуктивную деятельность, в которой человек не располагает целями, средствами, продуктами этой деятельности, самим собой и отношениями с другими людьми. Всегда ли и неизбежно ли он обременяет человеческое существование? Ответ на этот вопрос является целью статьи.

Феномен отчуждения труда сделал предметом экономическо-философского исследования Карл Маркс. До него термин «отчуждение» (*Entfremdung*, *Entäußerung*) использовали И. Фихте, Г. Гегель, Л. Фейербах. Они говорили не об одном и том же, но в общем понимали под отчуждением такое отношение между субъектом и его творением, в котором это творение приобретает независимость от своего создателя и чуждо противостоит ему. Так, по представлениям Л. Фейербаха, люди создали в своем воображении Бога и наделили Его теми достоинствами, которыми люди могли

ОБ АВТОРЕ

ДЕМИДОВ Александр Борисович.

Родился в 1954 году в г. Камышине Волгоградской области (Россия). Окончил философский факультет Ленинградского государственного университета (1981). С 1981 года – преподаватель кафедры философии Белорусской государственной сельскохозяйственной академии. В 1986–1991 годах – ассистент кафедры философии Могилевского педагогического института имени А.А. Кулешова. С 1991 по 1996 год – ассистент, старший преподаватель, доцент Витебского государственного педагогического института имени С.М. Кирова. В 1996–2001 годах – доцент Республиканского института высшей школы Белорусского государственного университета.

С 2002 года – доцент кафедры социально-гуманитарных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Кандидат философских наук (1994).

Сфера научных интересов: философия в целом, естественные и социально-гуманитарные науки.

бы сами обладать, если бы действовали сообща как единая сила, единый род, связанный доброжелательностью, дружбой, любовью. Но эту свою «родовую», т. е. общественную силу, люди отчуждают от себя в образе Бога, представляя себя бессильными. Чтобы вернуть свою «родовую жизнь», «родовую сущность» и силу, нужно преодолеть иллюзию и осознать, что «человек человеку Бог» [1, с. 308].

Фейербаховская критика религии и гегелевского идеализма в начале 1840-х годов увлекла многих современников, в том числе и К. Маркса. Однако он понимал, что критика религиозного самоотчуждения не может вернуть людям их «родовую сущность». «Религиозное отчуждение как таковое происходит лишь в сфере сознания, в сфере внутреннего мира человека» [2, с. 117], и если оно исчезнет, то экономическое отчуждение от этого не прекратится. Этическая проповедь любви человека к человеку его не устранил. В повседневном труде ради заработка человек испытывает чуждость ему процесса и предмета труда, чуждость людей, для которых он трудится. Он отчужден и от самого себя, поскольку, не будь нужды в деньгах, занимался бы тем, что ему по душе, а не этим чуждым ему трудом. «...Работа имеет для него значение только средства, – писал К. Маркс, – так что он живет только для того, чтобы добывать себе жизненные средства» [2, с. 27–28]. При этом «моя индивидуальность отчуждена от меня до такой степени, что эта деятельность мне ненавистна, что она для меня – мука и, скорее, лишь видимость деятельности» [2, с. 36]. Жизнь обретает какой-то собственный смысл только вне этой деятельности.

Как отметил советский и российский философ Николай Лапин, молодой Маркс, работая над своими «Экономическо-философскими рукописями», в центре которых оказалась проблема отчуждения, не сразу понял, что основу отчуждения надо искать в разделении труда [3, с. 450]. Еще раньше этому явлению уделил внимание основоположник

политэкономии А. Смит, усмотревший в нем фактор роста производительности труда и экономического развития в целом. По-видимому, К. Марксу все же не удалось достичь достаточной ясности в вопросе соотношения явлений частной собственности, разделения труда и его отчуждения. Например, в «Немецкой идеологии» говорится, что «разделение труда и частная собственность, это – тождественные выражения» [4, с. 31]. Но такое отождествление сомнительно, ведь разделение труда – это распределение функций в совместной деятельности, обусловленное ее содержанием, а частная собственность – распределение прав, полномочий между людьми по отношению к каким-либо предметам, причем эти люди могут быть совершенно непричастны к совместной деятельности по созданию этих предметов.

Разделение функций в совместной деятельности имеет место всегда, за исключением случаев простого соединения качественно одинаковых усилий. Но если считать, что отчуждение труда обусловлено разделением трудовых функций, то пришлось бы смириться с неизбежностью отчуждения труда. Так же неустранимо, наверное, и явление частной собственности. Логически собственность может быть только частной, ведь принадлежность любого предмета кому-либо означает, что другие не вправе посягать на него, значит, никакой предмет, если он рассматривается как собственность, не является общим. А если отчуждение труда считать следствием существования собственности, то устранение его невозможно.

Недостаточно ясным представляется у К. Маркса понятие труда. По его определению, «труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой» [5, с. 188]. В этой дефиниции две взаимодействующие стороны – человек и природа, взаимодействие имеет материальный характер. Однако в трудах

К. Маркса и Ф. Энгельса многократно говорится также о духовном/интеллектуальном труде/производстве (*geistige/intellektuelle Arbeit/Produktion*). Подходит ли «духовное производство» под приведенную дефиницию труда? Является ли творение поэта, музыканта, ученого «процессом между человеком и природой»? Очевидного ответа нет, и эта неясность распространяется далее и на термины «разделение труда», «отчуждение труда».

Предположения К. Маркса о том, что отчуждение труда обусловлено разделением труда или частной собственностью, не доказаны с достаточной убедительностью. Допустим, отчуждение труда более явно и непосредственно обусловлено наличием товарного производства, и даже тогда, когда люди, производящие товары, работают только на самих себя, а не нанимателя, используют собственные средства производства, и продукт труда принадлежит им же, они делают не то, что удовлетворяет их собственные потребности. Они «делают деньги», которые сами по себе не удовлетворяют их жизненных потребностей.

До появления общества товаропроизводителей, т. е. в первобытном, рабовладельческом, феодальном обществе, многие люди в своей хозяйственной деятельности ориентировались на про-

изводство в своем хозяйстве в нужном им количестве вещей, необходимых для удовлетворения собственных потребностей. Они использовали средства производства, которые для своего изготовления не требовали научных знаний.

И наоборот, в обществе товаропроизводителей, или капиталистическом, индустриальном, люди почти ничего нужного для их жизни не способны производить самостоятельно. Но все можно приобрести за деньги. Большинство людей нанимаются на работу, которая не удовлетворяет их потребности, но приносит деньги. Другая часть людей организует эту работу, но предприниматели тоже не удовлетворяют этой деятельностью свои потребности, а добывают деньги. Для общества товаропроизводителей актуально определение: «Товарное производство – форма общественного производства, при которой продукты производятся не для собственного потребления, а для обмена посредством купли-продажи на рынке» [6, с. 145].

Сказанного достаточно, чтобы уяснить: пока люди добывают средства для удовлетворения своих насущных потребностей при помощи товарообмена, занимаясь бизнесом или нанимаясь на работу ради денег, они неизбежно обременены отчужденным трудом, с которым неразрывно связано отчуждение также от других людей и от самих себя. Это очевидно даже без углубления в анализ причинно-следственных связей отчуждения труда с разделением труда, частной собственностью, делением общества на классы.

Обмен продуктами деятельности – ценное изобретение человечества. По меньшей мере, это хорошая альтернатива простому отнятию чужого имущества путем разбоя или кражи. В обществе товаропроизводителей деньги как эквивалент всевозможных товаров выполняют важную функцию уравновешивания между спросом и предложением и функцию количественной меры общественно полезной деятельности, хотя и небезупречно. Однако вряд ли современным здравомыслящим людям

придет на ум каким-то образом отменить товарное производство ради исчезновения отчужденного труда. Значит ли это, что отчуждение труда неустранимо? Попробуем разобраться.

С развитием производительных сил характер труда меняется. Так, во второй половине XX века в США численность работников, занятых в промышленности и сельском хозяйстве, стала меньше, чем в сфере услуг. Это дало повод говорить о формировании общества нового типа, то есть «постиндустриального». Американский социолог и публицист Даниел Белл засвидетельствовал свой приоритет первооткрывателя: «В 1959 году я писал: “Придуманной мною термин ‘постиндустриальное общество’ обозначает общество, которое перешло от стадии товарного производства к стадии сервиса”» [7, с. 49]. Исследователь констатировал, что одновременно со становлением постиндустриального общества разворачивается революция в обработке информации и знаний, в которой центральную роль играет компьютер. В постиндустриальном, или информационном, обществе «именно знание, а не труд выступает источником стоимости»; «знания и способы их практического применения замещают труд в качестве источника прибавочной стоимости» [8, с. 332].

В теоретических построениях К. Маркса показано, как «потребительная стоимость», создаваемая трудом, выступает на рынке в качестве «меновая стоимость», как обусловлена трудом собственно «стоимость» и как прибавочным трудом образуется «прибавочная стоимость». Д. Белл констатировал: знание, а не труд выступает в постиндустриальном обществе источником стоимости и прибавочной стоимости и, не объясняя сути, отметил, что это «совершенно очевидно». Но без анализа причинно-следственных связей между знанием и стоимостью их корреляция не представляется очевидной.

Д. Белл оставил несколько замечаний о неясности отношений между понятиями знания/информации и стоимости,

например, так определив отличие «экономики информации» от «экономики товаров»: «Постиндустриальное общество характеризуется не трудовой теорией стоимости, а теорией стоимости, основанной на знании. ...Особенность последнего заключается в том, что, даже будучи проданным, оно остается также и у своего производителя. Знание представляет собой «коллективное благо», поскольку по своему характеру с момента создания оно становится доступно всем...» К тому же «информация и знания не потребляются и не «расходуются» [7, с. CLII]. В конечном счете ученый фактически признался в отсутствии упомянутой «теории стоимости, основанной на знании»: «у нас нет готового инструмента рыночной оценки стоимости, например, фундаментальных исследований...» [7, с. CLII–CLIII].

Еще до появления этих соображений Д. Белла «отец кибернетики» американский ученый Норберт Винер иронизировал по поводу отношения к информации «в соответствии со стандартным американским критерием: цена вещи измеряется товаром, на который она будет обменена на свободном рынке. ...Удел информации в типичном американском мире состоит в том, чтобы превратиться в нечто такое, что может быть куплено или продано». Н. Винер показал на нескольких примерах, что «эта торгашеская точка зрения» «приводит к неправильному пониманию информации и связанных с ней понятий и к дурному обращению с ними» [9, с. 120].

Если Н. Винер указал на нетоварный характер информации, то французский философ Андре Горц не менее определенно показал, что и знания имеют нетоварные свойства: «Знания в принципе не приспособлены к тому, чтобы служить товаром. ...Их стоимость как товара невозможно измерить общественно необходимым трудом, затраченным на их создание. Никто не может определить, где начинается и где кончается труд по открытию новых знаний. Он может быть творческой деятельностью, хобби, занятием в свободное время. Кроме того, не

существует отношения эквивалентности между формами знаний и содержанием знаний: одно знание невозможно поменять на другое» [10, с. 14]. А. Горц полагал, что в обществе, в котором знания становятся решающим фактором, производство требует все меньше непосредственного труда и распределяет все меньше платежных средств, и «это должно привести к падению (денежной) стоимости всего произведенного богатства, к сокращению объема прибыли и, возможно, к краху производства, основанного на меновой стоимости» [10, с. 53].

Происходившая ранее механизация и автоматизация производства дополнилась компьютеризацией и роботизацией. В 1986 году американский ученый Эрик Дрекслер провозгласил наступление эры нанотехнологии. Вслед за аграрной, промышленной и информационной революциями назревает АТП-революция (АТП – атомарно точное производство, осуществляемое наномашинами). «На смену огромным, загрязняющим природу заводам и фабрикам должны прийти чистые компактные машины» [11, с. 19]. Если «производственная деятельность фабрик и заводов основана на использовании рабочей силы и завозимых из

далека сырья и материалов» [11, с. 92], то нанопроизводство не требует рабочей силы и привозных материалов. Э. Дрекслер особо не вникает в социальные последствия этой технологической революции, но отмечает: «Возникают вопросы, ответы на которые выходят далеко за рамки наших ожиданий или возможностей полного осмысления. Потенциальные перспективы включают в себя падение спроса на традиционные труд и ресурсы, а также капитал, используемый в материальном производстве. В результате резко повысится вероятность каскадных разрушительных воздействий на глобальную экономику» [11, с. 430].

Абстрактный футурологический прогноз социальных последствий нанотехнологической революции переворотил в живые событийные образы писатель Александр Лазаревич в научно-фантастической повести «Сеть “Нанотех”» [12].

Наномшины (бактерии-киборги) уже созданы, они уже размножились по всей планете и готовы выполнять мысленные команды людей, обеспечивать их жизненные потребности. Остается лишь объявить всем людям Земли об этом и научить их пользоваться сетью «Нанотех». Это новшество обернется для всех избавлением от нужд, болезней, необходимости отчужденного, наемного труда, но некоторые при этом лишатся своего привычного превосходства над другими людьми, того превосходства, которое дают деньги и административная власть. И эти «некоторые» пытаются препятствовать внедрению новшества. Такова фабула произведения.

Но вернемся к реальности. Черода технологических революций все больше обостряет проблему «лишних людей» и платежеспособного спроса в системе товарного производства. А. Горц констатировал, что в настоящее время «простой абстрактный труд, со времен Адама Смита трактовавшийся как источник стоимости, сменился трудом более сложным. Производительный труд, измерявшийся в единицах произведен-

ного за единицу времени продукта, сменился так называемым нематериальным трудом, который уже не поддается измерению классическими способами» [10, с. 21]. Отсюда вытекает вопрос: «Как может продолжать существовать товарное общество, когда производство товаров использует все меньше труда и пускает в обращение все меньше платежных средств?» [6, с. 61].

Система товарного производства, стимулируя научно-технический прогресс, развивает такие производительные силы, которые ставят под сомнение саму возможность дальнейшего существования товарного производства. В течение всего времени с начала промышленного переворота «тенденция капитала заключается в том, чтобы придать производству научный характер, а непосредственный труд низвести до всего лишь момента процесса производства» [13, с. 206]. Таким образом, «непосредственный труд сводится к менее значительной доле» [13, с. 207]. Логика политэкономической теории К. Маркса привела к выводу: «Как только труд в его непосредственной форме перестал быть великим источником богатства, рабочее время перестает и должно перестать быть мерой богатства, и поэтому меновая стоимость перестает быть мерой потребительной стоимости. Прибавочный труд рабочих масс перестал быть условием для развития всеобщего богатства, точно так же как не-труд немногих перестал быть условием для развития всеобщих сил человеческой головы. Тем самым рушится производство, основанное на меновой стоимости...» [13, с. 214]. Отметим: это написано тогда, когда не было даже намеков на будущую компьютеризацию, роботизацию, нанотехнологизацию производительных сил, но логика их развития была теоретически понята.

Таким образом, есть основания полагать, что необходимость отчужденного труда обусловлена системой товарного производства. Научно-технический прогресс создает условия, при которых товарное производство может стать не-

нужным. Не будет смысла в производстве массы фабрично-заводских продуктов, когда каждый человек сможет пользоваться чем-то вроде сети «Нанотех» и прямо на месте создавать все нужное для жизни и тут же избавляться от того, что становится ненужным, не захламляя пространство. Поскольку для такого производства не требуется «живой» непосредственный труд, потеряет смысл использование наемного труда, начисление заработной платы и приобретение чего-либо за плату. Преградой на пути такого развития может стать выработанная человеческой цивилизацией в течение тысячелетий склонность к превосходству над другими людьми, основанная на богатстве, административной власти или простом насилии. Как действительно будут развиваться события, предугадать невозможно. Однако пока неясно, как общество товаропроизводителей могло бы решить проблему товарной стоимости информации и знаний и проблему «лишних людей». ▀

Статья поступила
в редакцию 18.05.2018 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Фейербах, Л. Избранные философские произведения: в 2 т. / Л. Фейербах. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 2. – 943 с.
2. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1974. – Т. 42. – С. 41–174.
3. Лапин, Н.И. Молодой Маркс / Н.И. Лапин. – М.: Политиздат, 1986. – 479 с.
4. Маркс, К. Немецкая идеология / К. Маркс // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 3. – С. 7–544.
5. Маркс, К. Капитал: т. 1 / К. Маркс // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 23. – VI, 907 с.
6. Малафеев, А.Н. Товарное производство / А.Н. Малафеев // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия: в 4 т. – М.: Сов. энциклопедия, 1972–1980. – Т. 4: Социология – Я. – 1980. – С. 145–148.
7. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М.: Academia, 2004. – CLXX, 783 с.
8. Белл, Д. Социальные рамки информационного общества / Д. Белл // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 330–342.
9. Винер, Н. Кибернетика и общество / Н. Винер. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. – 200 с.
10. Горц, А. Нематериальное: знание, стоимость и капитал / А. Горц; пер. с нем. и фр. М.М. Сокольской. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 206 с.
11. Дрекслер, Э. Всеобщее благоденствие: как нанотехнологическая революция изменит цивилизацию / Э. Дрекслер. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. – 502 с.
12. Лазаревич, А. Сеть «Нанотех» [Электронный ресурс] / А. Лазаревич. – Режим доступа: <http://technocosm.narod.ru/nanotech.htm>. – Дата доступа: 07.05.2018.
13. Маркс, К. Экономические рукописи 1857–1859 годов / К. Маркс // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1969. – Т. 46, ч. 2. – 626 с.